

Яшин Владимир Борисович**Yashin Vladimir Borisovich**

кандидат исторических наук, доцент кафедры
всеобщей истории, политологии и социологии
Омского государственного
педагогического университета

PhD in History, Associate Professor,
General History, Political
and Social Sciences Department,
Omsk State Pedagogical University

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ И ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА РЕГИОНА [1]

THE MISSIONARY ACTIVITY OF RELIGIOUS ASSOCIATIONS IN OMSK REGION IN PUBLIC AND EXPERT OPINION OF THE REGION [1]

Аннотация:

В статье анализируются оценки миссионерской деятельности религиозных объединений в Омской области населением и экспертным сообществом региона. На основании результатов комплексного социологического исследования по данной тематике, проведенного в конце 2018 – начале 2019 г., констатируется, что в настоящее время миссионерство не является значимым фактором формирования религиозной идентичности жителей области, причем миссионерская активность здесь переживает спад. Отмеченные тенденции обусловлены отчасти ужесточением государственной политики в религиозной сфере за последние несколько лет, отчасти тем, что, несмотря на миновавший период миссионерского «бума», в региональном обществе сохраняется доминирование секулярных интенций. Хотя большинство населения декларирует принадлежность к той или иной конфессии, интерес к религии в изучаемом социуме в целом невысок и миссионерская проповедь не привлекает особого внимания. В то же время наблюдается реактуализация традиционных механизмов воспроизводства веры, связанных прежде всего с семейным воспитанием. Это органическое приобщение к религиозным традициям своих семьи и народа снижает восприимчивость жителей к воздействию миссионеров «чужих» конфессий.

Ключевые слова:

религия, социология религии, миссионерская деятельность, религиозная принадлежность, Омская область.

Summary:

The research analyzes the views of the population and expert community on the missionary activity of religious associations in Omsk region. Based on the results of a comprehensive sociological study on this issue conducted in late 2018 – early 2019, the author argues that present-day missions are an insignificant factor in the development of religious identity among residents of the region. Moreover, there is a decline in missionary activity in the territory under review. Trends observed depend on both the stringent state religious policy that has taken place over the past few years and the dominance of secular intentions in the regional community notwithstanding the previous boom for missions. Although the majority of people declare their particular religious affiliation, there is a lack of interest in religion and missionary preaching in Omsk region. At the same time, the society faces a revival of traditional mechanisms of belief reproduction related to family education in the first place. Such a harmonious involvement in religious traditions of the family and people reduces the society's vulnerability to influences of alien denominations.

Keywords:

religion, sociology of religion, missionary activity, religious affiliation, Omsk region.

Изучение разных аспектов феномена миссионерства традиционно входит в число приоритетных направлений религиозоведческих исследований. При этом в современном религиозоведении отсутствует консенсус относительно дефиниции понятия «миссионерская деятельность» [2]. Нередко в определениях данного термина, встречающихся в специальной литературе, делается акцент на то, что подобная деятельность обязательно должна носить институциональный характер и осуществляться на профессиональной основе. Такая трактовка содержится, например, в одном из наиболее авторитетных академических изданий – Энциклопедии религий: «Миссионерство (от лат. *missio* – посылка, поручение) – внекультовая деятельность религиозной организации в целях распространения своего вероучения и пополнения числа новообращенных (неофитов) через специальных представителей – миссионеров – на еще не освоенных данной религиозной организацией (церковью) территориях» [3]. В другой группе определений (она представляется более убедительной) в качестве миссионерской деятельности выступают любые формы распространения конфессиями своих религиозных практик и вероучения, направленные на расширение круга последователей, причем без конкретной территориальной привязки.

Кроме того, многие религиоведы разделяют категории «миссионерство» и «прозелитизм». Под последним понимается конверсия в то или иное вероисповедание с использованием методов принуждения и психологического манипулирования; чаще всего в этом случае речь идет о

переходе из одного направления в другое в пределах какой-либо религии [4]. Встречаются и иные точки зрения. Например, Д. Тодорович интерпретирует прозелитизм как смену религиозных убеждений (под влиянием миссионерской обработки) теми людьми, кто был глубоко погружен в прежнюю религию и в целом обладает «хорошо развитым религиозным сознанием», в отличие от обращения, при котором «конвертиты приходят из рядов "пассивных", традиционных верующих, чья вера исчерпывается ритуальным исполнением нескольких религиозных обрядов религии "прадедов" (крещение, венчание, погребальные обычаи)» [5].

В реалиях современного мира значимость миссионерства для религиозных объединений неуклонно возрастает. Во-первых, ускорение темпов прогресса в сферах транспорта, коммуникаций, информационных технологий, активизация миграционных потоков облегчают доступ к информации, относящейся к самым разным религиозным системам, обеспечивают ее распространение поверх исторически сложившихся границ между конфессиями, обесмысливают само понятие «каноническая территория». Во-вторых, в секулярном демократическом обществе, основанном на принципах свободы совести, религия становится предметом личного выбора конкретного человека, который может быть сделан в пользу любой вероисповедной доктрины. Все это создает дополнительные возможности, открывает новые перспективы для миссионерской работы практически всех конфессий.

Тем не менее в ситуации возрастающего религиозного плюрализма (в том числе обусловленного активностью миссионеров самого разного толка) между конфессиональными сообществами обостряется конкуренция, что вынуждает их обращаться к миссионерскому инструментарию как к своеобразному аналогу маркетинговых технологий в рыночной экономике. Е.В. Щетина в связи с этим подчеркивает: «В современных условиях жесткой конкуренции между религиозными "фирмами" немаловажным аспектом в религиозном управлении становятся развитие и поддержка миссионерских проектов – стратегий развития, укрепления собственного движения в росте как сторонников движения, так и его дочерних организаций. Миссионерский проект в религиозной сфере становится одним из важных "продуктов" экономического человека, так как разрабатывается исключительно для получения "прибыли" как организации, так и лидера организации. В качестве прибыли можно рассматривать увеличение численности последователей, финансовых поступлений, расширение территориального влияния» [6, с. 190].

Акцент на миссионерстве особенно характерен для новых религиозных движений (далее – НРД). Отчасти это связано с тем, что их основатели и последователи отличаются повышенным модусом религиозности и стремлением немедленно осчастливить все человечество, приобщив его к открывшейся им новой сакральной истине; отчасти – с тем, что многие НРД изначально создаются как коммерческие проекты, которые, подобно финансовым пирамидам, нуждаются в постоянном увеличении числа участников. В любом случае НРД на стадии становления не может привлечь адептов и занять устойчивую нишу в конфессиональном раскладе без энергичного миссионерства. В среде современных НРД и сект даже сложился особый тип религиозных сообществ, в которых «миссионерство доминирует во внутрикорпоративной системе ценностей, служит модальным образцом стиля поведения адепта, итоги миссионерства влияют на социальный климат в организации, а регулярное использование миссионерских практик служит ускорению религиозной социализации» [7, с. 123]. Хрестоматийным примером такого рода являются свидетели Иеговы (чья религиозные организации на территории России запрещены с 2017 г. в связи с обвинением в экстремизме).

Все большее внимание миссионерской деятельности стали уделять и традиционные религии, включая крупнейшую конфессию России – Русскую православную церковь. Так, 27.03.2007 г. Священный синод РПЦ утвердил Концепцию миссионерской деятельности Русской православной церкви, сменившую Концепцию возрождения миссионерской деятельности Русской православной церкви от 1995 г. Ее основные положения получили конкретизацию в ряде других церковных документов – «Об организации молодежной работы в РПЦ», «Об организации миссионерской работы в РПЦ», «О религиозно-образовательном и катехизическом служении», «Миссия тюремного служения РПЦ и пенитенциарные учреждения», «О современной внешней миссии РПЦ» [8]. В рамках реализации этих актов, в частности, создан Миссионерский фонд, реорганизован Миссионерский отдел Московской патриархии, введены штатные должности приходских миссионеров, катехизаторов и социальных работников, в учебные планы религиозных образовательных учреждений РПЦ вошел предмет «Миссиология» [9].

Свидетельством актуальности и значимости для современного российского общества и государства проблем, связанных с миссионерством, стало включение в июле 2016 г. в федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» новой главы, специально посвященной регулированию вопросов миссионерской деятельности в России [10]. В данной новелле впервые в практике федерального законодательства дана официальная юридическая дефиниция понятия «миссионерская деятельность» и определен порядок ее осуществления. Указанную трансформацию правового поля можно считать началом нового этапа в истории миссионерства

религиозных объединений в России (правда, ряд специалистов считает, что соответствующие поправки, усложнившие и запутавшие формальную регламентацию миссионерских практик, не внесли в них принципиальных перемен [11]).

С учетом сказанного представляется очевидной необходимость мониторинга миссионерской деятельности религиозных объединений в российских регионах, в том числе с использованием методов социологии.

Цель данной статьи – выявить оценки миссионерской деятельности религиозных объединений в Омской области населением и экспертным сообществом региона. Источниковую базу составили результаты комплексного социологического исследования, проведенного в конце 2018 – начале 2019 г. при финансовой поддержке РФФИ и субъекта Российской Федерации в рамках научного проекта № 18-411-550010 «Выбор веры в эпоху социокультурных трансформаций: религиозная самоидентификация жителей современной Западной Сибири на примере Омской области». Организационное содействие в работе оказал Центр гуманитарных, социально-экономических и политических исследований – 2 (ГЭПИЦентр-2, г. Омск).

В рамках проекта опрошены 1 000 респондентов, репрезентирующих население Омской области в возрасте 14 лет и старше. Применяли комбинированную методику: интервьюирование в домохозяйствах (респондентов в возрасте 22 лет и старше) и анкетирование в образовательных учреждениях (респондентов 14–21 года). Помимо количественного исследования проведена серия фокус-групп с участием верующих разных конфессий, проживающих в областном центре и четырех муниципальных районах (далее – МР), репрезентирующих природно-экономические зоны области, – Калачинском, Саргатском, Тарском и Черлакском. Кроме того, осуществлен опрос экспертов – представителей органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, общественных организаций национальной направленности, научного сообщества, а также руководителей и священнослужителей религиозных объединений.

В ходе количественного исследования принадлежность к той или иной конфессии либо внеконфессиональную религиозность продекларировали 84,3 % опрошенных жителей региона. При этом выявлена существенная доля респондентов, указавших, что они сами приняли ту или иную религию вследствие личных духовных исканий, – 22,7 %. Однако только 0,9 % из числа самостоятельно сделавших религиозный выбор объяснили это решение общением с миссионерами. Приоритетными мотивами религиозной конверсии оказались общение с верующими людьми (соответствующий вариант ответа отметили 33,9 % членов указанной группы), внутреннее озарение, мистические переживания (30,0), чтение религиозной литературы (26,0; допускалось несколько вариантов ответа, поэтому итог не равен 100,0 %).

Среди факторов, которые, с точки зрения участников опроса, в настоящее время оказывают наибольшее влияние на формирование религиозных убеждений жителей России, деятельность миссионеров также оказалась на последнем месте с показателем 1,4 % от выборочной совокупности в целом. Лидерами данного рейтинга стали семейное воспитание, семейные традиции (83,4 %), государственная политика (31,8), образование и воспитание в школе (29,3), общественное мнение (21,3 %; как и в предыдущем случае, респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа).

Дискуссии в фокус-группах и экспертный опрос дали схожие результаты. Участники качественного исследования всех категорий отметили, что миссионерская деятельность в принципе способна определить индивидуальный выбор веры, но в Омской области миссионеры не проявляют заметной активности, причем по сравнению с уровнем 1990–2000-х гг. в целом наблюдается ее снижение. *«От миссионеров очень много зависит, а в православии их просто почти нет»* (г. Омск, мужчина, 46 лет, православный); *«В пределах Омска вообще никто не занимается миссионерской деятельностью»* (г. Омск, женщина, 30 лет, мусульманка); *«У нас традиционные исламские слабаваты миссионеры. А те миссионеры, которые сейчас запрещены, – люди джамаат, другие... [раньше] сильно работали. После запретов миссионеров стало меньше»* (эксперт Ю. – представитель общественных организаций национальной направленности); *«Сегодня явная и публичная миссионерская деятельность, которая была бы у всех на слуху, она ограничена. Раньше активно этим занимались и свидетели Иеговы, и мормоны, и баптисты, и пятидесятники, а сейчас их активность сильно снижена. И сейчас, как мне кажется, миссионерский эффект происходит не столько за счет непосредственно миссионерства, специализированной миссионерской деятельности, а за счет какой-то социальной деятельности религиозных объединений»* (эксперт М. – представитель научного сообщества).

В ходе фокус-групповых дискуссий и интервью с экспертами высказывалось мнение, что наиболее успешно миссионерскую работу в Омской области проводят основные конфессии региона – православие (с ним себя идентифицировали 70,1 % респондентов) и ислам (4,1 %). В качестве факторов, обеспечивших такой результат, назывались укорененность в региональном сообществе этнокультурных традиций, сложившихся под влиянием православия и ислама, поддержка

этих конфессий со стороны государства, наличие у них развитой инфраструктуры и обширной ресурсной базы. *«Из истории сложилось, что храмы строили, вера сохранялась... люди вольно или невольно, проходя мимо, задумываются, и уже какие-то стереотипы в голове есть. А какие-то новые конфессии – нужно развиваться, пытаться, им сложнее»* (г. Омск, мужчина, 20 лет, православный); *«Я думаю, православие, потому что поддержка государства и многих учреждений, это традиционно, тысяча лет отмечалась, все переплетено, и история, и культура, – все завязано на православии в основном»* (Черлакский МР, женщина, 57 лет, православная). Кроме того, с точки зрения экспертов, традиционным конфессиям региона помогает расширять круг последователей освоение новых форматов миссионерской работы. В частности, Омская митрополия в летний период организует детские православные лагеря, мусульманская умма реализует проекты в сфере поддержки национальной культуры совместно с диаспорами и мигрантами из Центральной Азии.

Однако чаще высказывалось мнение, что наибольшую миссионерскую активность в Омской области проявляют религиозные меньшинства: в г. Омске – прежде всего кришнаиты, муниципальных районах – баптисты, регионе в целом – приверженцы харизматических направлений неопротестантизма. Участники качественного исследования объясняли успешность указанных конфессий главным образом отлаженностью их миссионерских технологий, использованием эффективных нестандартных форм миссионерской работы, практикой уличных проповедей, акцентом на социальную работу, преимущественно ориентированную на «группы риска» и людей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации. *«В Омской области по деревням много строятся наши дома молитвы, баптистов, и люди с удовольствием приходят, потому что они получают не только духовную, но и материальную помощь»* (Саргатский МР, мужчина, 63 года, баптист); *«Баптисты. Потому что ребята заметный вклад вносят, они работают с социальными группами – это инвалиды, пожилые»* (Тарский МР, женщина, 38 лет, православная); *«Остались, на мой взгляд, только одни кришнаиты, которые регулярно появляются на улице, – это тоже определенные формы миссионерства»* (эксперт Д. – представитель религиозных объединений, православие); *«У кришнаитов есть также определенный успех, потому что неформальное общение в плане привлечения людей у них поставлено на поток, они одиночными пикетами стоят и готовы рассказать каждому встречному о себе все, что угодно»* (эксперт М.Ш. – представитель органов исполнительной власти и местного самоуправления); *«Содержание реабилитационных центров баптистами и пятидесятниками, проведение благотворительных мероприятий, в силу того что современный человек ждет, что религиозные объединения должны быть такими благотворительными, должны оказывать помощь окружающим. Тут есть определенные стереотипы. И когда этот стереотип подтверждается, это делает религиозные объединения привлекательными»* (эксперт М. – представитель научного сообщества).

Отмечалось также, что миссионеры НРД имеют ряд преимуществ перед «коллегами» из традиционных конфессий: *«Они же используют всякие психотренинги, нейролингвистическое программирование, отвечают на какие-то прямые потребности человека, который заинтересовался»* (г. Омск, мужчина, 40 лет, адвентист седьмого дня); *«Они не так ограничены в средствах. <...> Мы не можем ни в мечети, ни в православном храме какой-то балаган устраивать, цирк шапито, как-то есть определенная строгость культурная, традиционная, то там ты можешь самыми разнообразными способами»* (г. Омск, мужчина, 31 год, православный).

Среди проблем, с которыми сталкиваются конфессии в миссионерской деятельности в Омской области, участники фокус-групп и эксперты особо выделили низкий уровень религиозности населения региона и распространенность антирелигиозных настроений. *«Первая проблема – это, конечно, секулярность общества. <...> Сейчас сознание у людей не религиозное, поэтому каким-то образом повлиять на него очень сложно»* (г. Омск, мужчина, 31 год, православный); *«Проблемы в самом обществе, нежелание совершенствоваться, нежелание как-то духовно возражать»* (г. Омск, мужчина, 38 лет, православный); *«Скептицизм со стороны людей. Когда на улице стоят и проповедуют, большинство проходят мимо со взглядом, может быть, даже настороженным, враждебным»* (Саргатский МР, женщина, 47 лет, православная); *«Наше население трактует миссионерскую проповедь любой конфессии как рекламу и агитацию. И у людей есть определенное отвращение к таким формам. От миссионеров знаю, что часто не удастся подобрать такую форму, чтобы человек мог спокойно воспринять миссионера. Люди относятся к ним как к коммивояжерам, рекламным агентам»* (эксперт Б. – представитель религиозных объединений, православие); *«В миссионерской работе, конечно, первая преграда в успехе – это люди, которые сейчас не всегда готовы воспринимать религию, потому что много идет скептицизма из средств массовой информации, и в целом я не могу сказать, что в обществе есть какой-то положительный образ верующего человека»* (эксперт М.Ш. – представитель органов исполнительной власти и местного самоуправления).

Относительно последних упомянутых законодательных новаций в сфере правового регулирования миссионерской деятельности мнения участников качественного исследования разделились. Некоторые респонденты отметили, что соответствующие поправки в закон «О свободе

совести...» создали дополнительные проблемы и трудности для миссионеров. «Раньше было намного свободнее, потому что не было закона о миссионерстве, пакета Яровой» (г. Омск, женщина, 22 года, адвентистка седьмого дня); «Миссионерская деятельность вынуждена быть более осторожной, более избирательной, более планируемой. Осуществлять миссионерство оказывается небезопасным с точки зрения соответствия законодательству. Эти проблемы напрямую связаны с изменениями в законодательстве» (эксперт М. – представитель научного сообщества); «Теперь все это жестко формализовано, и по закону ты должен иметь соответствующее разрешение, официальные документы... Миссионеры не могут быть уже иностранными гражданами. А тем организациям нетрадиционным, которые своими центрами имеют Запад, имеют серьезные западные контакты, как это было со свидетелями Иеговы или мормонами, конечно же, был нанесен большой удар» (эксперт Д. – представитель религиозных объединений, православие). В то же время опрошенные высказывали мнение, что конфессии смогли оперативно адаптироваться к новым «правилам игры» и продолжили миссионерскую деятельность без существенных перемен, соблюдая при этом формальные требования закона: «Мне какое-то время казалось, что закон Яровой их поставит в определенные рамки, оказалось – нет, они достаточно оптимистичны, нашли способы реализации этой деятельности» (эксперт З. – представитель научного сообщества).

Рассуждая о трудностях, которые традиционные конфессии региона (прежде всего православие) испытывают в работе, участники фокус-групп и опрошенные эксперты делали акцент на кадровых проблемах. В первую очередь они констатировали дефицит миссионеров-подвижников – тех, кто способен приобщить к вере личным примером. «Не хватает личного примера. Если люди видят, например, у нас, в православии, что люди своим примером показывали добрую жизнь, – это было самым настоящим миссионерством» (г. Омск, мужчина, 28 лет, православный); «Мало людей вообще способно к миссионерской деятельности. Это сложное дело, когда ты приводишь конкретного человека. У нас большинство священников, с кем ни общаюсь, мало кто может сказать, что он кого-то привел в церковь. Он 15 лет служит, чтобы конкретно – я трех человек привел в церковь. Единицы способны к настоящей миссионерской деятельности» (г. Омск, мужчина, 31 год, православный); «Потребительское общество, общество комфорта рождает таких спокойных людей, не ревнителей. Они спокойно веруют, ходят в храм, причащаются, но таких ревностных служителей, которые могут оставить все, проповедовать, служить Богу, – их становится меньше, этих людей» (эксперт А. – представитель религиозных объединений, православие). Отмечалась еще одна проблема традиционных конфессий – инертность и недостаточная разработанность миссионерских практик: «С современным типом человека, который мало адаптирован вообще к восприятию евангельской проповеди, долговому чтению, серьезному тексту, серьезным словам, нужны новые формы, у нас говорят в православии о том, что прежде, что было в XIX, XX вв., оно вообще уже устарело и не работает» (г. Омск, мужчина, 55 лет, православный); «У нас нет миссионерской культуры. Если спросить современного человека: "Вы встречали православного миссионера?", то скорее всего человек скажет, что не понимает, о чем речь, как он выглядит и что он должен делать» (эксперт Б. – представитель религиозных объединений, православие).

Наиболее существенными из специфических проблем миссионеров нетрадиционных конфессий являются сложившиеся в региональном сообществе негативные стереотипы в отношении сект и неокультов: «Они выступают в образе сектантов. Мы с этим не знакомы, и они у нас просто вызывают страх какой-то, а не то чтобы вступать в их конфессию» (г. Омск, женщина, 21 год, мусульманка); «Русский народ... не очень падок на нетрадиционное. Мне кажется, их успех ограничен определенной социальной группой людей, которые способны... заинтересоваться и быть такими нетрадиционными верующими» (эксперт Б. – представитель религиозных объединений, православие); «Да общество их не воспринимает. <...> Их результат близок к нулю» (эксперт А. – представитель религиозных объединений, православие).

Подводя итоги, следует констатировать, что в настоящее время миссионерство не является значимым фактором формирования религиозной идентичности жителей Омской области, причем миссионерская активность в регионе переживает спад по сравнению с тем, что имело место в первые 10–15 лет постсоветской истории России. Отмеченные тенденции обусловлены отчасти ужесточением государственной политики в религиозной сфере за последние несколько лет, а отчасти тем, что, несмотря на пережитый период миссионерских «бури и натиска», в региональном сообществе сохраняется доминирование секулярных интенций. Хотя большинство населения региона декларирует принадлежность к той или иной конфессии, религиозная самоидентификация, как правило, носит формальный и поверхностный характер. Интерес к религии в изучаемом социуме в целом невысок, и миссионерская проповедь не привлекает особого внимания.

В то же время результаты исследования свидетельствуют о реактуализации (пусть и далеко не в полном объеме) традиционных механизмов воспроизводства веры, связанных прежде всего с семейным воспитанием. Это органическое приобщение к религиозным традициям своих

семьи и народа снижает восприимчивость жителей Омской области к воздействию миссионеров «чужих» конфессий. Соответственно, для религиозных объединений региона сегодня более актуальна внутренняя миссия, направленная на укрепление в вере своих последователей и интенсификацию их религиозной жизни, нежели миссия внешняя, имеющая целью экстенсивное расширение числа адептов.

Ссылки и примечания:

1. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и субъекта Российской Федерации (Омская область) в рамках научного проекта № 18-411-550010 «Выбор веры в эпоху социокультурных трансформаций: религиозная самоидентификация жителей современной Западной Сибири на примере Омской области».
2. Ванина И.Ю. Общее и особенное в миссионерской практике христианских конфессий // Вестник ИрГТУ. 2011. № 5. С. 226–230; Исаева Ю.В., Исаев А.В. Миссионерская деятельность религиозных объединений: социально-политический аспект // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 1. С. 92–95; Сироткин П.Ф. Ценность миссионерства и попытки законодательного регулирования миссионерской деятельности // Вестник Пермского университета. Сер.: Философия. Психология. Социология. 2016. № 4. С. 121–127; Тарапанова Е.А. Проблема взаимоотношения религий в цивилизационном развитии народов // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 5. С. 139–142; Трофимчук Н.А., Свищев М.П. Миссионерская деятельность в системе политических отношений // Социология власти. 1998. № 2–3. С. 92–166; и др.
3. Давыдов И.П. Миссионерство // Энциклопедия религий / под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М., 2008. С. 812–813.
4. Казьмина О.Е. Проблема прозелитизма и формирование новой религиозной ситуации в России // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2007. № 6. С. 70–82; Ее же. Миссионерство и прозелитизм как категории религиозного дискурса и академического анализа // Вестник антропологии. 2015. № 2 (30). С. 48–65; Кимпаев С.К., Измайлова С.И. Прозелитизм в исламе // Исламоведение. 2013. № 1. С. 75–84; Митько А.Е. (игумен Серапион). Миссионерство и прозелитизм // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право. 2017. № 10. С. 177–184; Церпицкая О.Л. Теоретические аспекты миссионерской деятельности // Обозреватель – Observer. 2010. № 3. С. 81–89.
5. Todorović D. From Missioning to Proselytism (Conceptual Differentiation, Historical Survey and Indications of Future Perspectives) // Evangelization, Conversion, Proselytism. Niš, 2004. P. 5–27.
6. Щетинина Е.В. Миссионерский проект как продукт человека экономического в условиях кризиса постсекулярной культуры // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Политология. 2016. № 1. С. 188–194.
7. Сироткин П.Ф. Указ. соч. С. 123.
8. Концепция миссионерской деятельности Русской православной церкви [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского патриархата. 2007. 27 марта. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/220922.html> (дата обращения: 19.02.2019); Об организации молодежной работы в Русской православной церкви [Электронный ресурс]: документ утвержден на основании определения Священного синода РПЦ от 5–6 окт. 2011 г. // Там же. 2011. 6 окт. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1639899> (дата обращения: 19.02.2019); Об организации миссионерской работы в Русской православной церкви [Электронный ресурс]: документ утвержден определением Священного синода РПЦ от 27 дек. 2011 г. // Там же. 28 дек. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1909481.html> (дата обращения: 19.02.2019); О религиозно-образовательном и катехизическом служении [Электронный ресурс]: документ утвержден определением Священного синода РПЦ от 27 дек. 2011 г. // Там же. 28 дек. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1909451.html> (дата обращения: 19.02.2019); Миссия тюремного служения Русской православной церкви и пенитенциарные учреждения [Электронный ресурс]: документ принят на заседании Священного синода 12 марта 2013 г. // Там же. 2013. 12 марта. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2843078> (дата обращения: 19.02.2019); О современной внешней миссии Русской православной церкви [Электронный ресурс]: документ принят на заседании Священного синода РПЦ 16 июля 2013 г. // Там же. 16 июля. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3102956> (дата обращения: 19.02.2019).
9. О развитии миссионерства РПЦ на современном этапе см., например: Бирюкова К.В. Миссионерское служение Русской православной церкви: теория и практика в современном осмыслении // Социальная политика и социология. 2015. Т. 14, № 6. С. 174–181; Васильев А.А. (иеромонах Тихон). Особенности православной миссии в информационном пространстве // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18, № 4. С. 241–249; Камышников С.С. Некоторые проблемы подготовки церковных миссионерских кадров и управленческие пути их преодоления [Электронный ресурс] // Государственное управление. Электронный вестник. 2007. Вып. 10. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2007/vipusk_10_mart_2007_g./kamyshnikov.pdf (дата обращения: 19.02.2019); Капранова Е.А. Современное миссионерское поле Русской православной церкви // Актуальные проблемы современности: материалы 6-й Всероссийской научно-практической конференции «Альтернативный мир». Благовещенск, 2011. С. 120–126; Тафинцева Л.М. Потенциал миссионерской деятельности Русской православной церкви в социальной работе с молодежью // Ищите же прежде Царствия Божия и правды его (Мф. 6:33): материалы XII Международного форума. Липецк, 2017. С. 284–286.
10. О свободе совести и о религиозных объединениях [Электронный ресурс]: федер. закон от 26 сент. 1997 г. № 125-ФЗ. Гл. III.1. Миссионерская деятельность. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Данная поправка в числе других вступила в силу на основании следующего документа: О внесении изменений в федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты РФ в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности [Электронный ресурс]: федер. закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Исаева А.А. Правовое регулирование миссионерской деятельности в России // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск, 2017. С. 105–107; Ее же. Правовое регулирование миссионерской деятельности в России как имитация борьбы с религиозным экстремизмом // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Право. 2017. № 23. С. 21–28.

References:

- Biryukova, KV 2015, 'Missionary Service of the Russian Orthodox Church: Theory and Practice in Modern Thinking', *Sotsial'naya politika i sotsiologiya*, vol. 14, no. 6, pp. 174-181, (in Russian).
- Davydov, IP 2008, 'Missionary', in AP Zabiako, AN Krasnikov, ES Elbakyan (eds), *Encyclopedia of Religions*, Moscow, pp. 812-813, (in Russian).
- Isaeva, AA 2017a, 'Legal Regulation of Missionary Activity in Russia', *Pravovyye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti*, Tomsk, pp. 105-107, (in Russian).
- Isaeva, AA 2017b, 'Legal Regulation of Missionary Activity in Russia as a Fake Fight against Religious Extremism', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo*, no. 23, pp. 21-28, (in Russian).
- Isaeva, YuV & Isaev, AV 2013, 'The Missionary Activity of Religious Associations: the Social and Political Aspect', *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*, no. 1, pp. 92-95, (in Russian).
- Kamyshnikov, SS 2007, 'Several Problems of Training Church Missionary Personnel and Managerial Ways to Overcome Them', *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*, iss. 10, viewed 19 February 2019, <http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2007/vipusk_10._mart_2007_g./kamyshnikov.pdf>, (in Russian).
- Kapranova, EA 2011, 'The Modern Missionary Field of the Russian Orthodox Church', *Aktual'nyye problemy sovremennosti: materialy 6-y Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Alternativnyy mir"*, Blagoveshchensk, pp. 120-126, (in Russian).
- Kazmina, OE 2007, 'The Problem of Proselytism and the Creation of a New Religious Situation in Russia', *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8: Istoriya*, no. 6, pp. 70-82, (in Russian).
- Kazmina, OE 2015, 'Missionary and Proselytism as a Category of Religious Discourse and Academic Analysis', *Vestnik antropologii*, no. 2 (30), pp. 48-65, (in Russian).
- Kimpaev, SK & Izmailova, SI 2013, 'Proselytism in Islam', *Islamovedeniye*, no. 1, pp. 75-84, (in Russian).
- Mitko, AE (Hegumen Serapion) 2017, 'Missionary and Proselytism', *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, no. 10, pp. 177-184, (in Russian).
- Schetinina, EV 2016, 'Missionary Project as a Product of Homo Economicus in the Context of a Post-Secular Culture Crisis', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, no. 1, pp. 188-194, (in Russian).
- Sirotkin, PF 2016, 'The Value of Missionary Work and Legislative Attempts to Regulate Missionary Activity', *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*, no. 4, pp. 121-127, (in Russian).
- Tafintseva, LM 2017, 'The Potential of the Missionary Activity of the Russian Orthodox Church in Social Work with Young People', *Ishchite zhe prezhde Tsarstviya Bozhiya i pravdy yego (Mf. 6:33): materialy XII Mezhdunarodnogo foruma*, Lipetsk, pp. 284-286, (in Russian).
- Tarapanova, EA 2011, 'The Problematic Relationship between Different Religions in the Civilizational Development of Nations', *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l*, no. 5, pp. 139-142, (in Russian).
- Todorović, D 2004, 'From Missioning to Proselytism (Conceptual Differentiation, Historical Survey and Indications of Future Perspectives)', *Evangelization, Conversion, Proselytism*, Niš, pp. 5-27.
- Trofimchuk, NA & Svishchev, MP 1998, 'Missionary Activity in the System of Political Relations', *Sotsiologiya vlasti*, no. 2-3, pp. 92-166, (in Russian).
- Tserpitskaya, OL 2010, 'Theoretical Aspects of Missionary Activity', *Obozrevatel' – Observer*, no. 3, pp. 81-89, (in Russian).
- Vanina, IYu 2011, 'The General and Specific Elements in the Missionary Practice of Christian Denominations', *Vestnik IrGTU*, no. 5, pp. 226-230, (in Russian).
- Vasiliev, AA (Hieromonk Tikhon) 2017, 'The Aspects of the Orthodox Mission in the Information Space', *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*, vol. 18, no. 4, pp. 241-249, (in Russian).